

***модель провинциального городка
в политической сатире:
роман евгения лукина „алая аура
протопарторга” и роман-трагифарс
марины гримич „варфоломеева ночь”***

галина шовкопляс

Эту былль под тихий звон монист
В кабаке с названием „Цыганка”
Рассказал мне бывший коммунист,
Президент коммерческого банка.

Евгений Лукин. Баллада о невидимом райцентре

Российский автор Евгений Лукин, бард, писатель, поэт и эссеист, написал роман „Алая аура протопарторга” как первую часть так называемого „Баклужинского цикла” в 2001 году. Жанр цикла обозначился не сразу. Сначала произведения Лукина определяли как научную фантастику, позднее стали классифицировать как политическую сатиру.

Роман украинской писательницы и издателя Марины Гримич „Варфоломеева ночь” (опубликован в 2002 г.) определен как политическая сатира самим автором.

Объединяет оба произведения не только художественный способ изображения действительности, но и годы написания. Это время обретения людьми постсоветского пространства первого полноценного политического опыта и сатирического осмысления этого политического опыта в художественной литературе, время появления на постсоветском пространстве политической сатиры как полноценного художественного явления.

Политическая сатира, где пространственной моделью избирается провинциальный город, имеет свою классику в истории мировой литературы.

Провинциальный городок дает сатире замечательный материал и прекрасную возможность выстроить показательную модель малого масштаба, но полного объема.

Провинция как художественное пространство у постсоветских авторов представлено не просто провинциальным городком, а райцентром, что в самой семантике наименования несет нагрузку советского пришлого. Это не просто провинция, а советская провинция со всей свойственной ей характеристикой и атрибутикой, главным элементом которой является „красный флаг над райисполкомом”¹.

Городок, куда приезжает главный герой романа Марины Гримич, также предстает постсоветским райцентром:

„Человек осмотрелся и увидел знакомую картину, какую всегда встретишь в любом райцентре когда-то бесконечной советской родины. Пыльное, обшарпанное, серое здание бывшего райкома партии – теперь городская мэрия или райгосадминистрация; напротив – через площадь – памятник Неизвестному солдату с отколотым носом и голубем на голове;

¹ См. „Балладу о невидимом райцентре” Евгения Лукина – позднесоветскую версию сказания о граде Китеже.

универмаг с большими окнами, немывыми еще с времен развитого социализма; и непреременный атрибут центральной площади райцентра – клумба”¹.

В „Алой ауре протопарторга” Лукин в свойственной ему сказовой манере, сохраняя излюбленный формат „кухонной байки”, рассказывает историю, о том, как два районных центра объявляют себя отдельными государствами: автор применяет типичный для сатиры прием *reductio ad absurdum*, когда некое явление или процесс доводится до крайности в своем понятийном значении. В данном случае исторический факт распада СССР и образование ряда суверенных государств постсоветского пространства получает абсурдное продолжение в процессе дальнейшего отделения структурных составляющих, вплоть до районных центров. Бывшая Суловская область распалась на города-государства Лыцк, Баклужино, Суслово и Сызново. Сетевые комментаторы часто называют политическую модель из романа Лукина „пародией на СНГ”. Причем о распаде СССР Лукин нигде не упоминает: значит, Суловская область и есть в его эзоповом лексиконе сатирика наименованием Советского Союза; называли же диссиденты советскую власть Софьей Власьевной.

Событийный ряд „Алой ауры протопарторга” начинается допущением иррационального порядка: некий домовый по имени Анчутка изгнан из родного Лыцка и вынужден эмигрировать в соседний город – государство Баклужино. По тональности такая завязка напоминает классического Толкиена, который начинает свою знаменитую книгу сообщением о том, что в своей норе жил хоббит.

„Вторичный мир” фэнтези, легендарий, в поэтике романа Лукина представлен персонажами, отлично уживающимися в русле традиции устной городской (провинциальной) культуры, а именно: домовыми, обитающими в

¹Гримич М. Варфоломієва ніч / Марина Гримич. – Львів : Кальварія, 2002. – С. 8.

межквартирных пространствах многоэтажных домов; барабашками, разоряющими жилье злостных должников; мостовыми, которые балуются наркотиками. А поскольку провинциальный городок приближен к природе в большей степени, чем мегаполис, то рядом, в непосредственной близости к „городской нечисти” обитают водяные, лешие, полевики и прочие репрезентанты природных стихий. Вот только хыка, таинственное существо, живущее под диваном, хотя и не лишено обаяния, но вызывает вопросы о своем внешнем виде и происхождении.

В сатирическом измерении Лыцк и Баклужино дают две политические модели государства на постсоветском пространстве: православно-коммунистический Лыцк во главе с митрозамполитом как модель, тяготеющая к авторитаризму, и Баклужино, где к власти пришло движение „Колдуны за демократию”, – модель демократической республики:

„Теперь же, после распада Сусловской области, противостояние двух бывших районов, а ныне – держав, обрело четко выраженный идеологический характер. Если в Лыцке к власти пришли православные коммунисты, то на выборах в Баклужино победу одержало общественно-политическое движение „Колдуны за демократию”¹.

На первый взгляд, в выстроенной Лукиным политической модели не содержится классического противопоставления „провинция versus столица”. Автор в отдельной главе рассказывает о вечном соперничестве двух провинциальных городов, когда каждый из соперников претендует на звание столицы; тандеме врагов таком давнем и рьяном, что областной центр с банальным названием Суслово никто не берет в расчет, обходя его презрительным молчанием:

¹ Лукин Е. Алая аура протопарторга; Катали мы ваше солнце : романы / Евгений Лукин. – М. : АСТ, 2001. – С. 23.

„Соперниками Лыцк и Баклужино чувствовали себя с незапамятных времен. Хаживали бесперечь стенка на стенку, а то и учиняли прелютые дрекольные бои, доходящие во дни гражданских распрей до сабельных”¹.

Одним словом, читателю демонстрируют ситуацию, когда оба провинциальных городка претендуют на звание столицы. Это провинция, которая одевает маску столицы, притворяется столицей; притворяется старательно и неумело, а оттого – неубедительно:

„Стараниями Глеба Портнягина районный центр помаленьку обретал столичный лоск. Беззвучно польхали рекламы, Бродвей. Посреди площади на низком гранитном цоколе сияла Царь-ступа. Отбитый кусок был аккуратно прислонен к чугунному тулову... Потом загрело, заклацало, и мимо Выверзнева, вырвавшись из бетонной норы, прокатил недавно пущенный скоростной трамвай – надо полагать, последний на сегодня... Миновав трехэтажное розовое здание консерватории (бывшая музыкальная школа), подполковник закурил ещё одну сигарету и свернул с проспекта в переулок. Сразу повеяло старым Баклужино. Фонари не горели. Тихо ботала по древесной фене потрепанная черная листва да невидимая мелкая собачонка тьякала тоненько и отрывисто – как в бутылку”².

Провинциальная простота и благостность в романе Лукина являются не более чем маскировкой. Весенний вечер в Баклужино растрогал домового Анчутку:

„Невидимкой Анчутка выскользнул на пустынный проспект, залитый прохладным светом белых ламп, и, пройдя вдоль стены розового трехэтажного здания, приостановился, недоумевая. Тротуары, кажется, были вымыты с мылом. Анчутка принялся. Нет, все-таки, наверное, со стиральным порошком. Живут же в Баклужино люди!.. Да и домовые, наверное, не хуже...”³.

¹ *Ibid.*

² *Ibid.*, с. 57.

³ *Ibid.*, с. 88.

Через несколько страниц, в главе, где повествование ведется от имени подполковника, а позже – полковника, спецслужбы Николая Выверзнева, события этого же весеннего вечера получают иную интерпретацию:

„– Добрый, добрый... – улыбнулся в ответ Николай, – Вот вышел, знаете, воздухом подышать...”

Ни хрена не было, вечер – утро скоро! Кстати, раскланявшийся с Выверзневым старикан числился у него в списке как заведомо работающий на красноярскую разведку и, предположительно, подрабатывающий в оренбургской. Впрочем, население в суверенной Республике Баклужино было маленькое, поэтому каждый на кого-нибудь да работал. Не на тех, так на других”¹.

Провинция в романе Лукина отказывается от своей сущности, подражает столице, притворяется столицей, лжет и лицедействует: такая провинция достойна сатирического осмеяния.

Украинская писательница Марина Гримич в романе-трагифарсе „Варфоломеева ночь” (2002 г.) жестко и логично моделирует процесс и структуру выборов в парламент на этапе праймериз. Но одновременно она воспекает на сентиментально-ностальгический мотив украинскую провинцию. Недаром в одном из интервью газете „День” Марина Гримич признается в своей влюбленности в „украинскую глубинку”:

„Но меня просто завораживает украинская глубинка со своей специфической публикой – негордой и непосредственной”².

В „Варфоломеевой ночи” автор с наслаждением изобразит всю атрибутику „провинциального канона” в её визуально-материализованном воплощении: от варенья в розеточках

¹ *Ibid.*, с. 56.

² Гримич М. Українська глибинка просто заворожує [Електронний ресурс] / Марина Гримич // День. – 2011. – 11 лютого. – Режим доступу : <http://www.day.kiev.ua/uk/article/ukrayinci-chitayte/marina-grimich-ukrayinska-glibinka-prosto-zavorozhuie>.

(черешневое с хвостиками; крыжовенное, с орешками внутри каждой ягодки, и кизиловое), старосветских фотографий, часов с боем до апофеоза провинциального бытия – железной кровати с „сеткой”, застеленной особенным образом:

„... кровать с пуховой периной, которая (когда Вы стоите на полу) достигает вашей груди; перина, которая укрыта клетчатым покрывалом, а из-под пуховой перины выглядывает вышитая простыня, точнее не вся простыня, а широкая полоса вышитых крестиком (обязательно крестиком) роз с лапчатыми зелеными листьями, а из-под той яркой полосы выглядывает элегантная полоска ручной работы кружева в виде аккуратной очередности треугольничков; а сверху всего этого – то есть на уровне Вашего подбородка – стоят или сидят в позе русских купчих у самовара с бубличками две огромные подушки ушками вверх; на наволочках этих двух подушек вышиты полосы с красными розами с зелеными листьями; а накрыты эти две пуховые купчихи кружевными накидками; и вся эта фантастическая пирамида стоит под стеной”¹.

Изображенная любовно, с многочисленными деталями железная кровать с „сеткой” предстает не просто элементом провинциального интерьера, но ложем жизни, приобретая значение мифологическое:

„Если бы Вы знали, дорогие мои читатели, сколько украинцев было зачато в таких кроватях!”².

Марина Гримич оставляет в стороне, точнее, оставляет для столицы, политический аспект повествования и дает образ мифологизированной провинции как основы жизни и жития, от вопросов политических переходит к вопросам универсальным, ибо

¹ Гримич М. Варфоломієва ніч, с. 49.

² *Ibid.*, с. 50.

„принципиальной чертой провинции является то, что она есть местом, где проходит настоящая жизнь, где ежедневные события имеют тот глубокий смысл, который утрачивается по мере отдаления от провинциального городка”¹.

Провинция в романе Гримич самодостаточна, и конкуренция с центром ее не тревожит: любая бабулька „из глубинки” это понимает –

„Что мне тот депутат! Он живет себе там, вверху, сам себе руководит и не знает, что делается на грешной земле...”².

Таким образом, провинция (глубинка) именуется „землей”. Провинция никогда не отрывается от земли, питается от земли, прорастает от почвы. Провинция получает от земли жизнь, силу, энергию. Поэтому провинция стабильна и устойчива, вынослива и терпелива.

„Провинция растеклась по поверхности земли, это кореневище, ризома, сеть”³, – отмечает современный исследователь российской провинции С. П. Гурин. Российский исследователь качество „сокровенности”, вынесенное в заглавие своей статьи, трактует как наложение двух семантических пластов, вторым из которых является именно „кров”:

„Кров – это и дом, человеческое жилище, внутреннее пространство семьи, собственно человеческое измерение бытия, отличающееся как от социального, так и космического пространства”⁴.

¹ Мних Р. Дрогобичанин Бруно Шульц / Роман Мних. – Дрогобич ; Седльце : Коло, 2006. – С. 94.

² Гримич М. Варфоломиева ніч, с. 36.

³ Гурин С. П. Провинция: потаємність и сокровенність [Электронный ресурс] / С. П. Гурин // Топос : літературно-філософський журнал. – Режим доступу : <http://www.topos.ru/article/6847/>.

⁴ Ibid.

Именно в провинции главный герой романа находит для себя дом:

„Наш молодой герой очутился в комнате. Посередине стоял большой стол, покрытый зеленой бархатной скатертью с шелковой бахромой. Над ним висела лампа под абажуром. На стене тикали старые большие часы. Они как раз пробили восемь часов. Этот бой – глубокий, глуховатый и, кажется, такой же бархатный, как скатерть, – точно долетал из прошлого столетия. Он сразу как-то гипнотически подействовал на нашего героя”¹.

Это идеальное сочетание дома материального и дома вымечтанного, онирического, оттого Павел Печениг сразу узнает и бархатную скатерть, и пасьянс, разложенный на столе, и старосветские фотографии, но особые чувства вызывает у него кровать „с сеткой” – ложе жизни.

Наличие дома указывает на укорененность, укорененность – на наличие корня, а корень не просто образ – архетип, но, согласно уверениям французского натурфилософа Гастона Башляра, образ сексуализированный.

„Существует множество свидетельств о фаллическом смысле обыкновенного корня, извлеченного из земли, – пишет Башляр в работе „Земля и грёзы о покое”. – Так Гюисманс изображает картину вселенского блуда. <...> С точки зрения Гюисманса, корень есть сексуальное познание земли”².

Молодой герой обретает в провинции не только дом, где он хочет выращивать груши, делать ежегодные консервации, читать книги и смотреть телевизор, лежа на диване, но и первый сексуальный опыт:

„А тем временем Павел Иванович Печениг после долгих уговоров своей любимой мамочки и лекций про то, что лучшим

¹ *Гримич М.* Варфоломієва ніч, с. 43.

² *Башляр Г.* Земля и грёзы о покое / Гастон Башляр. – М. : Изд-во гуман. лит., 2001. – С. 297.

допингом на любых перегонах является допинг естественный, поехал ночевать не в землянку Варфоломеича, а к Татьяне Горошко. Как раз на ту самую железную кровать с сеткой, с вышитыми крестиками розами, на высокие подушки, на мягкие перины, к лебедям на картинке, к Ромео и Джульетте”¹.

Основой плодородия провинции, а также её единства, выступает и традиция провинциальных застолий, объединяющих людей:

„Коллективная трапеза сближает людей. Это не секрет. Даже в племенах дикарей породненность по еде является более важной, чем биологическое родство. И, нужно сказать, что они таки правы, эти дикари. По себе знаю: садишься за стол с чужими людьми, а встаешь – с родными. До сих пор важнейшие бизнес-соглашения подписываются на бизнес-ланчах, а важнейшие политические соглашения – на фуршетах. Вот они и сидели – такие близкие и родные. Сидели и ели. Ели и роднились”².

Кровать с „сеткой” и накрытый стол как апофеоз провинциального бытия в конце концов победят столицу и политику: герой романа, Павел Печениг, победитель на выборах, после шестидесяти восьми набранных процентов откажется от места в парламенте:

„Что я делаю? Куда я лезу? Разве это моё? Какой из меня политик? Я хочу жить нормальной жизнью. Не бороться ни с разиными, ни с мразиными. Не разыгрывать роль спасителя! Я хочу любить, жить в маленьком провинциальном городке, воспитывать детей, выращивать груши и каждый год закатывать консервацию”³.

Утверждение, что нормальный человек заниматься политикой не станет, повторит и Лукин. В его романе глава

¹ Гримич М. Варфоломеїва ніч, с. 91.

² *Ibid.*, с. 97.

³ *Ibid.*, с. 99.

террористов-подпольщиков „Красные херувимы” Панкрат Кученог является существом убогим и ущербным: страдает от заикания, эпилептических припадков, косоглазия и прочих несимпатичных недугов. Едва его избавляют от заикания и поддегиваний, Панкрат тут же устраняется от прежней деятельности:

„Стройный импозантный брюнет Кученог беседовал с пикантной блондинкой бальзаковского возраста. На глазах у Выверзнева, продолжая беседовать в том же духе, парочка повернулась и под ручку направилась к скамейке посреди двора. Николай хотел было окликнуть переродившегося Панкрата, но раздумал. Опыт подсказывал Выверзневу, что с Кученогом теперь лучше дела не иметь. Перестав быть уродом, Панкрат утрачивал ценность в глазах контрразведки. Ну зачем ему теперь политика – нормальному человеку?”¹.

Создавая сатирическую минус-модель политического устройства государств постсоветского пространства, писатели используют составляющие „провинциального канона” – удаленность от центра (маргинальность), приверженность традициям (консерватизм), ограниченность пространства (замкнутость). Однако традиционно-обывательское толкование провинции как маленького городка на обочине большой жизни изменено на иное: провинция – основа жизни, почва народа, корни нации. Оттого столица в дихотомии „столица *versus* провинция” у постсоветских сатириков всегда в проигрыше, ибо на стороне провинции такие качества, как подлинность, глубина, укорененность. Мифологизация провинциальной жизни придает грубому, острому и жестко-логичному поджанру политической сатиры философскую глубину и универсальную значимость.

В романе Лукина городки – райцентры Лыцк и Баклужино – отрекаются от своей провинциальной подлинности-сущности и представляют пример отрицательной модели, где

¹ Лукин Е. Алая аура протопарторга; Катали мы ваше солнце, с. 239.

доминирует фальшь, неподлинность, искажение. Марина Гримич в „Варфоломеевой ночи”, изначально идеализируя провинцию, наделяет ее чертами гармонии и подлинности, хотя слышны в её дифирамбах и иронические ноты. Но оба автора руководствуются общим принципом, согласно которому провинция и являет сущность жизни в подлинном ее, неспешном и глубинном, значении. Это исконно европейское противопоставление „человечности” (*humanitas*) и „столичности” (*urbanitas*). Изначально человечность была свойством внутренним, она воспитывалась раздумьями и попытками познать себя и ближних, питалась чтением, трудами и поддержанием традиций. А „столичность” всегда была свойством внешним, оболочкой, меняющейся и суетной. Политическая деятельность, безусловно, отнесена к „столичности”, и изображена в сатирических романах резко критически: чего стоит определение тех, кто занимается политикой, исключительно людьми, страдающими различными физическими уродствами, мучимые неизлечимыми психическими расстройствами, которые скрывают уродства нравственные. Тогда как провинциальное пространство представляется пространством „человечности”, где, в противовес суетной и поверхностной столице, люди живут настоящей жизнью, и „где ежедневные события имеют тот глубокий смысл, который утрачивается по мере отдаления от провинциального городка”¹.

¹ Мних Р. Дрогобичанин Бруно Шульц, с. 94.